

Elena Janczuk

Советская действительность на страницах варшавской газеты российских эмигрантов "Меч"

Acta Polono-Ruthenica 19, 47-60

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Elena Janczuk
Uniwersytet Warszawski

Советская действительность на страницах варшавской газеты российских эмигрантов „Меч”

Изучение белых пятен в истории любого явления неизбежно накладывает эвристический отпечаток даже на сам характер изложения материала. Проблема истории русской эмиграции в Польше, а также ее отдельные аспекты не дождалась всестороннего изучения. Русская эмиграция в Польше, по словам Войцеха Станиславского, „тема почти неизвестная либо в лучшем случае «экзотическая» в дурном значении этого слова”¹. В настоящее время опубликован ряд статей, посвященных отдельным личностям, как правило, писателям, поэтам, некоторым явлениям, например, русскому образованию в Польше или же советским военнопленным и т.п. Но, что любопытно, сохранившиеся печатные издания, как, например, газеты „Молва”, „За свободу!”, „Меч” и др., не нашли еще своего научного освещения².

Возникшая в начале 90-х гг. тенденция положительно оценивать явления, имевшие место по ту сторону границы СССР – в эмиграции, сегодня требует как минимум корректировки и осторожности в оценках. Владимир Хазан замечает, что среди исследователей преобладает стереотип, „будто бы поэты и писатели эмигранты, в отличие от своих коллег [...] в Советском Союзе, хотя и страдали от безденежья и непризнанности, однако компенсировали свой материальный крах неограниченной творческой свободой”. Следует помнить, что нахождение в эмигрантской среде, и в особенности, в творческой, было связано „с целой системой запретов

¹ В. Станиславский, *Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой*, „Новая Польша” 2006, № 7–8 (77), с. 91–96, [online] <www.nowpol.ru/index.php?id=670> (24.06.2013).

² Надо отметить, что приступая к изучению предмета, я получила в Национальной библиотеке в Варшаве подшивку газеты „Меч” за 1934 г., где отдельные номера были с неразрезанными страницами. Число же газет и журналов, издаваемых в межвоенный период в Польше составляет около 120 позиций с разными сроками существования, ср. [online] <www.mochola.org/russiaabroad/ruspress.htm> (24.06.2013), где А. Мохоля каталогизировал сохранившиеся русскоязычные издания межвоенной Польши.

и ограничений, идеологических манипуляций и партийных конвенций, пусть проявляющих себя не в столь циничной и грубой форме, как в «метропольной» литературе, однако вполне достаточных, дабы поставить сегодня вопрос о нереализованных возможностях «островной»³.

Политико-экономическая ситуация в Польше к середине 30-х гг. была достаточно сложной. Смена политической опции, проходившая под лозунгом необходимости оздоровления политико-экономического климата, сопровождалась усилившейся борьбой правительства с оппозицией. Власти предпринимали ряд недемократических мер, опасаясь советского влияния на состояние умов в Польше, как подчеркивает В. Рошковский, „все эти шаги носили системный характер – давали возможность правительству вмешиваться в общественную жизнь”⁴. На этом фоне активизировались общественные движения, имели место забастовки крестьян, громкие убийства⁵. Усиление кризиса дало надежду польским коммунистам (а их было около 10 тыс.) на возможность революции, в октябре 1932 г. в СССР состоялся VI съезд КПП, который „предрекал усиление революционной волны в Польше и призывал установить диктатуру пролетариата по советскому образцу”⁶, там же было предложено объединить Западную Беларусь и Западную Украину с советскими республиками.

В польско-советских отношениях наблюдалось потепление, что выражалось, напр., в стремлении наладить сотрудничество в области совместных польско-советских культурных, спортивных и научных мероприятий, возросло число польских туристов, желавших собственными глазами увидеть перемены у восточных соседей, что вызвало активизацию разведывательных служб Польши. В отношении польских граждан, отправлявшихся в начале 30-х в турпоездки по СССР, службы польской разведки выражали недовольство отсутствием слаженности в действиях с административными органами, в частности, не велся учет туристов, организовывались коллективные поездки, в которых принимали участие польские граждане, выезжавшие без заграничных паспортов⁷. Обвинения

³ В. Хазан, *Предисловие*, [в:] „Чужбина, родина моя!” Эмигрантский период жизни и творчества М. Цветаевой, XI Международная научно-тематическая конференция (9–11.10.2003), Москва 2004, с. 7–8.

⁴ W. Roszkowski, *Historia Polski. 1914–1991*, PWN, Warszawa 1991, с. 66.

⁵ Ibidem, с. 67.

⁶ Ibidem.

⁷ В частности, в начале 1934 г. пароходство „Гдыня – Америка” организовало такую поездку, в ходе которой 26 человек коммунистических убеждений остались в Советском Союзе, 16 из которых впоследствии советская разведка перебросила в Польшу. Ср.: А. Реп-іоński, *Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939*, Bellona, Gryf, Warszawa 1996, с. 115.

в паспортно-визовых нарушениях были выдвинуты против турбюро „Интурист” и „Орбис”. Сами турпоездки проходили по установленным маршрутам, что вырабатывало у польских туристов ошибочное представление о советской действительности. Как сообщалось в одном из рапортов Реферата „Восток”, наблюдались случаи „восторга чрезвычайными достижениями коммунистического государственного строя”, а поляки, вернувшиеся из СССР, были „отуманены большевистской пропагандой”⁸. В этой связи запрет накладывался на некоторые печатные издания, в частности, осенью 1934 г. 48 советских книг были запрещены в Польше⁹. На волне интереса к СССР польские издания публиковали восторженные материалы, за что, в частности, А. Домбровский на страницах „Меча” их упрекает: „Отличительным признаком корреспонденций последнего сорта [...] является полное отсутствие цифр и фактических данных”¹⁰. Польская разведка в связи с вышесказанным оказывала поддержку потенциальным и реальным врагам большевистского режима и, прежде всего, представителям белой эмиграции, для чего были выделены специальные средства т. наз. Реферату „Восток”¹¹. Именно эмигранты могли, пользуясь своим авторитетом очевидца, достоверно рассказать, как выглядит ситуация на Востоке. И хотя ситуация в Советском Союзе за последние почти 20 лет бесповоротно изменилась, ставка делалась именно на живое освидетельствование.

В такой достаточно сложный и противоречивый контекст вписан третий медиальный проект Дмитрия Философова под названием „Меч”¹². Приступая к изданию „Меча”, Философов имел не только солидный опыт издательской деятельности, но и обладал прочными связями с польской интеллигенцией и имел влиятельных покровителей¹³. Однако, как замечает

⁸ Pismo szefa O III do szefa O II z 28.02.1932, 1. 516/III, CA MSW, Ref. „W”, 262/144. Цит. за: А. Perłowski, op. cit., с. 115.

⁹ „Меч”, № 21, 7.10.1934, с. 8.

¹⁰ А. Домбровский, *Неполная картина*, „Меч”, № 24, 31.10.1934, с. 2.

¹¹ Реферат „Восток” являлся сегментом II Разведывательного Отдела Генерального Штаба РП, в 1933 г. его бюджет составлял 594 тыс. Зл., в 1934 – уже 720 тыс. – Ср. А. Perłowski, op. cit., с. 49.

¹² В 1920–1932 гг. в Варшаве он издавал ежедневную газету „Свобода”, переименованную в „За свободу!”, потом в газету „Молва” (1932–1934) и в еженедельный журнал, ставший газетой „Меч” (1934–1939). Ср. Дж. Дюррант, *„Уж такова наша судьба...”. Новое из варшавского архива Д. В. Философова*, „Наше Наследие” 2002, № 63–64, [online] <www.nasledie-rus.ru/podshivka/6406.php> (15.06.2013).

¹³ В 1934 г. бывший министр почты и телеграфа, будущий сенатор, номинированный Президентом РП, спикер Сейма, Б. Медзиньский возглавляет концерн Polska Prasa SA (а в 1929–1938 гг. он был редактором „Gazety Polskiej”). Философов был с ним знаком еще

В. Станиславский, среди эмигрантов по отношению к нему сохранялась стойкая неприязнь, не поддающаяся объяснению¹⁴. Ему предъявлялись обвинения в „сотрудничестве с польскими государственными органами”, „принятии от поляков средств на издание «За свободу!»”, а также „в сотрудничестве в качестве информатора спецслужб”¹⁵. Станиславский подчеркивая неясности с финансированием газеты „За свободу!”, не сомневается, что „в 1920–1921 г. издание финансировал РЭК (Русский эвакуационный комитет), основной бюджет которого составляли средства польского военного министерства; вполне возможно, что и позже редакция получала нерегулярные дотации от польского государства, большая часть средств поступала, тем не менее, от продажи газеты”¹⁶.

Газета „Меч” (фр. „Le Glaive”) – первоначально русскоязычный еженедельный журнал, а затем газета (с 21-го номера), издававшаяся в Варшаве в 1934–1939 гг.¹⁷ „Меч” должен был также распространяться

по Русскому политическому комитету (РПК), основанному в 1920 г., в котором сам занимал должность вице-председателя (председатель – Б. Савинков) и генерального секретаря, в то время как полковник Медзиньский, являясь одним из ближайших сотрудников Пилсудского, осуществлял польское представительство в РПК, а также являлся начальником отдела военного министерства и нес ответственность за деятельность русских организаций в Польше. Есть основания предполагать, что средства и содействие для своей издательской деятельности Философов искал именно у него. Ср.: [online] <http://pl.wikipedia.org/wiki/Bogus%C5%82aw_Miedzi%C5%84ski> (15.06.2013).

¹⁴ Ср.: В. Станиславский, *Согласие и раздоры, Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой. Статья вторая*, „Новая Польша” 2006, № 9 (78), с. 35–40, [online] <<http://a-pesni.golosa.info/grvojna/bel-emigr/a-soglirazd.php>> (15.06.2013). Возможно, объяснение следует искать в личности Д. Философа, напр. Дж. С. Дюррант в своей публикации цитирует письмо М. Арцибашева Б. Савинкову от 22 февраля 1924 г., где приводится характеристика Философова, данная Арцибашевым, ближайшим его сотрудником единомышленником: „Конечно, Д.В., добывая средства, оказывает газете огромную услугу. Возможно, и наверное даже, что если бы его не было, газета давно бы лопнула. Но все-таки это не дает ему права считать себя единственным. [...] А между тем, он держится не только полномочным хозяином, но и хозяином с большой дозой прямого самодурства. [...] Д.В. человек любопытный, но какого-то бабьего нрава. Он и тщеславен, и болезненно обидчив, и капризен, и мелочен, и мстителен, как избалованная женщина. [...] В общем, он создает тяжелую атмосферу в редакции, и это не искупается, ибо как газетный редактор он никуда не годится. Он совершенно не отдает себе отчета в действительных потребностях нашего читателя и не умеет разобраться в ценности материала. Отсюда загромождение газеты «высокой политикой», до которой нашему читателю нет ровно никакого дела, и невозможной скуцишей церковной трухи”. М. Арцибашев, *Письма Борису Савинкову*, предисл., подгот. текста и примеч. Д. Зубарева, „De visu” 1993, № 4 (5), с. 50–51. Цит. за: Дж. Дюррант, *op. cit.*

¹⁵ В. Станиславский, *Согласие и раздоры...* А. Пеплоньский, отмечая тщательность в отчетности польских спецслужб, приводит в качестве примера один такой отчет расходов по оперативной работе Реферата „Восток” за февраль 1939, где красноречиво значится сокращения „Dm. Fii. – 420,00 zł.”. Ср.: А. Реплюński, *op. cit.*, с. 50.

¹⁶ В. Станиславский, *Согласие и раздоры...*

¹⁷ В силу ограниченности объема статьи анализом будут охвачены лишь 45 номеров издания (практически первый год его существования – с мая 1934 по март 1935).

в Париже, а также устанавливать сотрудничество с русскими эмигрантами в разных центрах эмиграции (напр., Варшава, Париж, Прага). „Меч”, в отличие от других эмигрантских изданий, не использовал т. наз. новую орфографию. Первый номер вышел 20 мая 1934 г. Редакционный комитет возглавил Дмитрий Философов (главный редактор в Париже Д. Мережковский), в число членов редакции вошли В. Бранд, Е. Вебер, Г. Соколов. Первый год издания „Меча” можно поделить на два этапа: в качестве журнала – номера 1–20, и газеты – номера 21–45. В концепции „Меча” этот перелом оставил свой след: если в первый период журнал был достаточно сдержан, описывая советскую действительность (в среднем, ей посвящались 1–2 материала номера – а в этот период преобладали сдвоенные номера, правда, журнального формата (современного А4), максимальным объемом 32 страницы), то после перелома этих материалов становится больше (до 13-ти в 8-страничном номере, правда, большего – газетного формата). С 21-го номера Д. Философов перестал экспонироваться в качестве „председателя редакции”, его публикации не занимают первых страниц журнала и становятся спорадичными, на первой странице в составе редакции обозначены В. Брандт и Г. Соколов¹⁸. Можно предположить, что в силу возраста Философова либо внутренних разногласий, либо по соображениям конъюнктуры формат издания во всех смыслах изменяется. В Париже к этому времени также раздаются голоса критики, в частности, Г. Адамович опубликовал критический отзыв в „Иллюстрированной России”¹⁹, вряд ли он это сделал без санкции Д. Мережковского и З. Гиппиус (их материалы тоже перестают появляться в „Мече”).

¹⁸ В.В. Брандт (ум. 1942 Варшава); капитан артилл. во время Первой мировой войны, подполк. Добровольческой Армии, поэт, журналист, участник варшавской *Таверны поэтов*, *Антологии русской поэзии в Польше*, альманахов *Новь* и *Шестеро*, опубликовал поэтический сборник *Стихи* (Варшава 1932), сотрудник журнала „Грань”. См.: *Русская эмиграция в Польше 1919–1945 – алфавитный указатель*, сост. А. Мохоля, П. Лавриец, [online] <www.mochola.org/russiaabroad/ruspldb/ruspl_b.htm> (15.06.2013).

¹⁹ Ср.: „Мне бы хотелось [...] дать характеристику [...] варшавскому журнальчику «Меч», но это дело затруднительное: как характеризовать пустое место. Слов много, а мыслей незаметно. В первом номере были помещены «лозунги» – вроде того, что лошадь должна есть сено и овес, а эмигрант должен ненавидеть большевиков. Затем последовало несколько не вполне грамотных статей и совсем безграмотный роман на евангельские темы. Все это было бы ничего [...], если бы «Меч» не заявил во всеобщее сведение, что призван спасти цивилизацию и обновить мир. При таких претензиях снисхождение неуместно. [...] хочется только пожелать сотрудникам курьезного «Меча» немедленно устроить кружок самообразования и саморазвития”. Ср.: „Иллюстрированная Россия”, № 34, 18.08.1934. Цит. за: А Бем, *Письма о литературе: О литературной полемике*, „Меч”, № 21, 7.10.1934, с. 6.

Первый номер – программный по своей структуре и содержанию – открывается статьей Д. Философова, в которой тот не скрывал своих намерений, отсылая к Библейскому: „Не мир, но меч”²⁰, подчеркивает: „наступило время, когда [...] эмиграции надлежит пробудиться, выйти из состояния блаженного успеха и тупого прозябания. Иначе эмиграция погибнет, сойдет на нет, потеряет смысл своего существования. Мы призываем ее к возрождению, хотим пробудить ее энергию” (с. 3). Журнал был задуман как „антикоммунистический, антиматериалистический, антимарксистский”, который должен продолжить борьбу с большевизмом. По мнению Философова, большевизм вошел в стадию застоя, закрепостив живые силы русского народа, следует поэтому воспользоваться имеющейся в эмиграции свободой, покончить с уравниловкой интернационализма, выработать новую иерархию ценностей, признать здоровый национализм началом не застоя, а движения (с. 4). Философов призывал к борьбе с установившимся – и уже достаточно прочно занявшим свои позиции советским строем. Объявляя журнал „Меч” проектом не партийным, Философов кривил душой – его задача состояла в воскресении активизма²¹, т.е. выражал поддержку политической доктрины той части эмиграции, которая вела активную борьбу с большевистской властью с целью ее свержения. Философов расширяет значение активизма до размера, по меньшей мере, мирозерцания: „активизм должен быть творческим, ответственным, действенным, лишенным, как пессимизма, так и оптимизма. Он должен быть трагическим. Он должен стать мирозерцанием, пронизывающим все области человеческого делания” (с. 4).

На первом этапе существования журнала основное внимание уделяется подведению итогов изгнанничества, экспонированию преимуществ эмигрантов по сравнению с жителями метрополии, а также определению дальнейших путей развития как эмиграции, так и советской России. Ангажированность в политику обоих лагерей прекрасно осознается: „мы живем в такое время, – пишет В. Злобин, – когда трудно себе представить какую-либо область человеческого духа, совершенно от политики оторванную, особенно столь близкую к жизни, как литература и литературная критика. [...] Даже материал информационный, и тот нередко «обрабатывается»”²². Непременным мотивом практически всех материалов

²⁰ Д. Философов, *Чего мы хотим*, „Меч”, № 1–2, 20.05.1934, с. 3.

²¹ Термин, широко использовавшийся, напр., в работах П. Струве в 20-х гг. в среде белой эмиграции.

²² В. Злобин, *Бледное чудовище*, „Меч”, № 3–4, 27.05.1934, с. 9.

(а основная масса материалов на этапе журнала „Меч” была посвящена эмиграции) стало подведение итогов 15-летию русской эмиграции. Заслуги эмиграции либо подчеркиваются (напр., А. Бем к задачам эмигрантской литературы относит „выявление правды своего изгнанничества, противопоставление своей правды той системе псевдоценностей, на которой строится жизнь в советской России”²³), либо отвергаются: „мы предали – самое драгоценное, самое святое, что у нас было и без чего жизнь наша в изгнании теряет всякий смысл – идею свободы человеческой личности”²⁴.

При этом советская и некая идеальная Россия резко противопоставляются, большевизм предстает абсолютным злом, а большевики – по мнению Е. Вебера – „делают все [...], чтобы исказить облик России, чтобы внести в чувство наше к ней великое и горькое сомнение. То, что они пишут о ней, страшно. То, как они о ней рассказывают, способно убить веру в русский народ, в здоровые силы России”²⁵. Представление о ситуации в Советском Союзе при этом максимально упрощается, „вся советская юмористика дает не людей, а уродов; вся советская печать усердно помогает в поругании, осквернении человеческого облика и подобия”²⁶. Вывод из этого автор сводит к моральной стороне ситуации – негативные явления суть нежелание русского народа „жить и работать так, как хочет этого коммунистическая партия”²⁷. Только эмигранты – поскольку именно они знают „подлинный облик народа” – способны отличить правду от лжи. Закрепощенные большевизмом силы прорываются в виде „подвига челюскинцев”, „самоотверженного труда ученых”, „героической выносливости” рядового русского человека. Возникает некая этическая поляризация в оценках действительности – положительные стороны советской действительности оцениваются в категориях прорыва творческих сил русского народа, все же негативные явления происходят исключительно по вине господствующей власти.

В таком же духе ведется критика отдельных явлений советской жизни, повторяюсь, представленных первоначально достаточно скромно. Например, в статье В. Евгеньева речь идет о состоянии и подготовке педагогических и медицинских работников в советской России по

²³ А. Бем, *Письма о литературе. О прошлом и настоящем*, „Меч”, № 1–2, 20.05.1934, с. 12.

²⁴ В. Злобин, *op. cit.*

²⁵ Е. Вебер, *Искаженные черты*, „Меч”, № 6, 10.06.1934, с. 3–4.

²⁶ *Ibidem*, с. 4.

²⁷ *Ibidem*.

материалам „Правды”²⁸, о критике транспортной системы и животноводства²⁹, статья В. Брандта посвящена реорганизации советской школы, перемене курса советского правительства – проповеди зажиточности, превозношении семьи и многосемейности, осмеянии старых идиологов, что должно подтвердить излюбленный тезис эмигранта, что якобы „советское правительство не может эволюционировать”³⁰. Надо заметить, что рассказ о челюскинцах – с характерным названием *Чаша унижений* – сопровождается рядом примеров бегства советских граждан из СССР, в самом факте чествования профессора Отто Шмидта усматривается акт его унижения. В контекст челюскинцев помещен также анализ причин внесения новой поправки в УК СССР³¹ о наказании за бегство из СССР в связи со spectacularным бегством двух профессоров – Григория Нольде и Ивана Боронцова, которые сообщили журналисту „Ситтль Дэйли Таймс”: „Мы всегда мечтали вырваться из советского ада. Крушение судна явилось для нас избавлением, и мы не желаем возвращаться туда, где никакая серьезная работа невозможна”³². Основание, позволяющее автору связать эти два обстоятельства, состоит в следующем: полярные летчики, проработавшие за полярным кругом более 3 лет „имеют возможность выехать за границу на 6 месяцев. Из среды челюскинцев этим правом могут воспользоваться около двух десятков человек. Вот для того, чтобы никто из них не прильстился примерами Нольде и Боронцова и издаются подобные декреты”³³.

В 21 номере – уже – газеты (от 7 октября 1934 г.) изменяется визуальный формат, используется современная графика (но при этом сохраняется старая орфография). Изменяется сама структура газеты – она содержит больший процент информационного материала, введены постоянные

²⁸ В. Евгеньев, „Продукция с изъяном”, „Меч”, № 1–2, 20.05.1934, с. 14.

²⁹ В. Евгеньев, *Узкие места*, „Меч”, № 3–4, 3.06.1934, с. 12.

³⁰ В. Брандт, *Тактический ход*, „Меч”, № 8, 24.07.1934, с. 8–9.

³¹ Ст. 58-1а. Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются – высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества. 20 июля 1934 г., СУ No. 30, ст. 173. Цит. за: Б. Яковлев, А. Бурцев, *Концентрационные лагеря СССР*, [online] <http://thelib.ru/books/yakovlev_b_burcov_a/koncentracionnie_lageri_ssr_otrivki-read.html> (15.06.2013).

³² А. Домбровский, *Чаша унижений*, „Меч”, № 9–10, 8.07.1934, с. 14.

³³ Ibidem, с. 15.

рубрики: *Международное обозрение*, *Неделя радио* – о возможностях нового медиального канала, текущие события российской эмиграции *Эмигрантская жизнь*, *Местная жизнь*, *Вести из Варшавы* – новости из столицы и провинции: Лодзи, Гродно, Ковеля, Пинска, Бреста-над-Бугом и др., и прежде всего, но чуть позже – *Как живут в СССР* и *В СССР за неделю*, печатаются художественные произведения, тематически связанные с советской действительностью, в частности *Иван Калюжный* А. Домбровского, помещена рубрика обратной связи – отклики читателей, а также большое количество „живых” документов – материалов, написанных очевидцами советской действительности.

Заново формулируется программа газеты, содержащая те же декларации, что и 20 номеров назад, которые можно свести к необходимости работать над сознанием эмигранта, который в суете повседневности забыл о высокой миссии эмигранта (скатился до позорного статуса беженца): „свою задачу «Меч» усматривает в содействии [...], просветлении эмигрантского сознания и распространения реального знания”³⁴, – сообщает редакционная статья, это будет выражаться в том, что „исходя из убеждения, что светлое будущее нашей родины лежит на путях создания великой имперской России, редакция «Меча» с особым вниманием будет отмечать процессы, совершающиеся как в СССР, так и в эмиграции, которые приближают воплощение в жизнь исторически заданной идеи”³⁵. Коммунистическая власть объявлена „основным злом”, преодолеть которое можно только революционным путем. Редакция обещает заняться „точным учетом” создавшейся политической и социальной обстановки, и в качестве главной задачи объявляет „возможно более полное и совершенно объективное освещение жизни в СССР”³⁶. И слово свое сдерживает. Каждый следующий 8-страничный номер содержит от 4-х сначала до 13 обширных материалов о жизни в советской России, а также может содержать небольшие заметки либо сообщения.

Позиция газеты и в то же время ее высокая миссия уточняется в другой статье: „*Фронтовики*” и „*тыловики*” этого же 21-го номера (с. 2), где один из редакторов газеты В. Брандт выдвигает лозунги, предполагающие необходимость выработки в эмигранте внутренней „партийной дисциплины”. Что особенно настораживает – абсолютная твердость

³⁴ [Программная статья], „Меч”, № 21, 7.10.1934, с. 1.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

и уверенность в собственной правоте: работоспособность, трудолюбие, добросовестность и талантливость эмигрантов из России „ничего общего не имеет с главной целью пребывания вне России” – т.е. в „организации борьбы за освобождение страны”. В последнем, по мнению автора, „эмиграция оказалась бездарна”. Чем должен заниматься эмигрант, чему посвящать время – все усилия, направленные эмигрантом на выживание, осуждаются редактором: „нельзя служить двум богам – благополучию и России. Работа в организации, самовоспитание, самообразование и подготовка себя для строительства будущей России – такова программа, и в ней нет места развлечениям, отдыху, заботам о личном благополучии”. Такая непримиримая позиция редакции (Брандт был обозначен на титульной странице газеты представителем редакции), и помещенные на 1-ой странице заверения, что „одной из главнейших задач редакция считает возможно более полное и совершенно объективное освещение жизни СССР” вызывают определенную рефлексию.

Точно такая же тенденциозность с налетом некоего злорадства сквозит практически из каждой газетной заметки, посвященной проблемам, связанным либо с детскими яслями³⁷, либо с отчетами съезда советских писателей. На страницах газеты тщательно прослеживаются события, к которым имеет отношение Советский Союз, как международные – напр., вступление СССР в Лигу Наций с соответствующими редакционными и частными комментариями: „противобольшевистскую эмиграцию охватывает чувство страшного одиночества и изолированности. Нет друзей, нет сочувствующих. Нет сострадающих”³⁸, или критика Сталиным Коминтерна, вызвавшая панику среди западных коммунистов³⁹, так и внутренние события – убийство С. Кирова, отравление В. Куйбышева, реакция на выступление Сталина *Об овладении техникой*⁴⁰, упразднение хлебных карточек, знаменующее переход от распределительной системы к государственной торговле, повышение заработной платы рабочим и служащим (1 янв. 1935 г.)⁴¹, потери в сельском хозяйстве на фоне мирового голода и эпидемии самоубийств, вызванных мировым

³⁷ *Изо дня в день. От колыбели до асфальтового котла*, „Ignis”, № 21, 07.10.1934, с. 2.

³⁸ Н. Цуриков, *Духа не угашайте*, „Меч”, № 22, 14.10.1934, с. 2.

³⁹ Приводятся слова И. Сталина: *Политбюро и Коминтерн*, „Меч”, № 29, 2.12.1934, с. 3.

⁴⁰ [автор настоящей статьи только три месяца тому назад бежал из СССР], *Техническая пропаганда*, „Меч”, № 28, 1934, с. 5.

⁴¹ *Уничтожение хлебных карточек*, „Меч”, № 29, 2.12.1934, с. 1; В Евгеньев, *Отмена карточной системы*, „Меч”, № 30, 9.12.1934, с. 5; В Евгеньев, *Без карточек в городе и деревне*, „Меч”, № 35, 13.01.1935, с. 4.

кризисом⁴², превращение Саровского монастыря в совхоз⁴³ и т.д., а также разного рода отрицательные, менее знаменательные явления и события, которые тщательно выбираются из материалов советской прессы. „Меч” реагирует на крупные события внутри СССР обширными публикациями. Например, первому съезду советских писателей посвящены две статьи⁴⁴, ставшие поводом для проведения экскурсов в советскую литературу. С позиции экспертов пишутся заметки о том, как в действительности живут в СССР: „Шествия, речи, торжественные съезды, крик о „достижениях”, газетная шумиха – все это внешняя сторона стороны советской медали, не дающая понятия об истинном положении в России”, истинное представление о жизни черпается из советских же газет, например, из „Вечерней красной газеты” (20.09.1934), в которой ведется критика ужасных жилищных условий, или из московских „Известий” (15.09.1934), в которых пишут об уменьшении выпуска медикаментов на 20% в 1933 г. по сравнению с 1931 г. Перечисляются также такие вопиющие недостатки советской действительности, за которые широко критикуют советские же газеты, как отсутствие товаров первой необходимости, напр., „кнопок, поясов, галош больших размеров”, или о том, что в СССР повсеместно „обвешивают, обсчитывают, обмеривают” и проверки выявили, в частности, 105 неправильных весов и 572 гири – это только в 2-х кварталах Ленинграда⁴⁵. Сельское хозяйство, а в частности, ситуация с хлебозаготовками в колхозах анализируется в статьях В. Евгеньева⁴⁶.

Большую ценность в социологическом отношении анализируемые события представляют в статьях-отчетах, где тщательно приводятся, напр., цены отдельных блюд в ресторанах, меню, размер чаевых или характер посетителей ресторанов, одежда дам и т.п., а также настроение той части населения, которой такие развлечения недоступны (*Письмо из Одессы*): „обозлен, ожесточен житель, но что он может сделать. Зажатый в теснейшие тески нового террора – он боится открыть рот, шевельнуть пальцем, не так посмотреть: измена отчизне – вещь растяжимая, обвинить в ней можно легко и начнутся страдания детей, родных и всех, кто имел несчастье быть поблизости”⁴⁷. В статье *Как питаются в Ленинграде* приведены столбики

⁴² Плаунов, *В советской России*, „Меч” № 29, 02.12.1934, с. 5.

⁴³ „Меч”, № 29, 2.12.1934, с. 1.

⁴⁴ Е. Вебер, *Советская литература и советская действительность*, „Меч”, № 21, с. 3; А. Слонимский *о съезде писателей*, „Меч”, № 23, 21.10.1934, с. 2.

⁴⁵ *Как живут в СССР*, „Меч”, № 21, с. 3.

⁴⁶ Напр.: В. Евгеньев, „*Приметы осени*” в СССР, „Меч”, № 23, 21.10.1934, с. 2.

⁴⁷ *Письмо из Одессы*, „Меч”, № 24, 31.10.1934, с. 6.

цен на продукты, цены в коммерческих ресторанах, ситуация на частном рынке, размер заработной платы различных категорий советского населения⁴⁸.

Материалы очевидцев представлены широко, например, подписанный инициалами А.П. репортаж о юноше, сыне кулака, прошедшем заключение в советских и немецких тюрьмах: „гитлеровские тюрьмы кажутся ему местом отдыха”⁴⁹, материал Д. Глухова *Как я провел отпуск в деревне (Из записок комсомольца)*⁵⁰ – о ситуации в советской деревне, а также статьи с характерными заголовками: *Излечившийся коммунист*⁵¹, *Рассказ беглеца из Советской России*⁵², *Молодой советский инженер о себе*⁵³, *Из беседы с красным генералом ИВЖ („ЗР”)*⁵⁴, *Из бесед со старым большевиком*⁵⁵ и некоторые другие представляют собой живое свидетельство людей, живущих в советской России либо недавно ее покинувших.

Литературное творчество представлено скромнее, чем прежде, и, можно сказать, целенаправленнее – продолжают печататься пафосные произведения на религиозные темы, как, например, роман *После креста* Н. Новаковской (дань уважения Д. Философова), остаются ностальгические стихи поэтов-эмигрантов и циклически печатавшаяся повесть А. Домбровского *Иван Калюжный* о заключениях чекиста на фоне советских реалий, а также *Богородобная невеста* (этиюд к роману), *Доктор Паскаль*, *Юнцы* (этиюд к роману) А. Амфитеатрова, *Письма о литературе* А. Бема, некоторые литературные труды Философова. В целом газета становится информативно-аналитической, достаточно быстро реагирующей на события в мире, в Польше, СССР, а также в среде русских эмигрантов.

Обращаясь сегодня к изданию „Меча”, можно не только восстановить хронику событий русской эмиграции в Польше, а также ее видение советской действительности, но и задуматься над проблемой русской идентичности, которая приобретает – как это для нее характерно – двуполярное измерение.

⁴⁸ Ю. Матвеев, *Как питаются в Ленинграде*, „Меч”, № 32, 23–25.12.1934, с. 4.

⁴⁹ А.П., *С той стороны*, „Меч”, № 22, 14.10.1934, с. 4.

⁵⁰ Д. Глухов, *Как я провел отпуск в деревне (Из записок комсомольца)*, „Меч”, № 31, 16.12.1934, с. 6–7; № 35, 13.01.1935, с. 6; № 37, 27.01.1935, с. 4; № 38, 03.02.1935, с. 5.

⁵¹ *Излечившийся коммунист*, „Меч”, № 26, 4.11.1934, с. 6.

⁵² А.П., *Рассказ беглеца из Советской России*, „Меч”, № 26, 11.11.1934, с. 6 и № 27, с. 4.

⁵³ А.П., *Молодой советский инженер о себе*, „Меч”, № 36, 20.01.1935, с. 4.

⁵⁴ *Из беседы с красным генералом ИВЖ („ЗР”)*, „Меч”, № 35, 13.01.1935, с. 6.

⁵⁵ *Из бесед со старым большевиком*, „Меч”, № 36, 20.01.1935, с. 5 и № 37, 27.01.1935, с. 4.

Явление, описанное выше, прекрасно иллюстрирует свойство русской идентичности как бы „предавать” основную суть идентичности как фактора объединяющего. Вместо объединения она становится причиной непримиримой вражды. Русский становится смертельным врагом русского именно потому, что оба они – русские. Трудно в рамках этой статьи подробно остановиться на содержании этого противоречия. Возможно, оно состоит в острой непримиримости архаических и более современных форм сознания, существовавших одновременно, не успевших в значительной степени переродиться одна в другую в силу конкретных исторических причин, законсервировавших архаические формы сознания, не позволивших им трансформироваться в более современные. Это формирует две системы мировоззрения, обладающие твердыми ценностями. Обе эти системы имеют идентичный историко-культурный адрес, пространство каждой из них – это одновременно и пространство другой, они обе русские – и они враждебны друг другу по своей сути. Это именно та метафизическая неизбежность, которая является фундаментом настоящей великой трагедии – неизбежность трагической развязки. Таким образом появляется издание „Меч”, декларирующее самые высокие моральные ценности, что не мешает ему существовать на деньги военной разведки, придерживаться в своих материалах самой очевидной, а иногда даже вполне одиозной тенденциозности, призывая, по сути дела, иностранные государства к войне против своих соплеменников. И это не большевистское издание, а антибольшевистское, что дает повод задуматься над уже устоявшимися схемами, ведь зачастую в справедливом возмущении большевиками, святыми начинают считать всех, кто выступал против них. Не следует ли из этого, что проблемы, которые ставит перед исследователем история газеты „Меч”, призывают искать в исторических оценках факторы, более основательные, чем политическая ориентированность изучаемых явлений, что снимает вопрос их оценки в категориях хороший-плохой. Правдивое объяснение событий редко укладывается в эту схему. Судейская мантия и парик очень к лицу многим исследователям. Но представляется, что история издания „Меч” предостерегает: чтобы судить – надо о предмете суда знать все. А всего, конечно, мы не знаем.

Streszczenie

Rzeczywistość radziecka na stronach warszawskiej gazety emigrantów rosyjskich „Miecz”

W niniejszym artykule analizie poddane zostały materiały opublikowane na łamach warszawskiego tygodnika emigrantów rosyjskich „Miecz” w ciągu jednego roku (pierwsze 45 numerów). Analiza ta została wpisana w szeroki kontekst historyczno-polityczny ówczesnej Polski, a zwłaszcza jej skomplikowane relacje ze Związkiem Radzieckim. W okresie istnienia gazety wyraźny jest podział związany z jednej strony z transformacją czasopisma w tygodnik (nr 21), co doprowadziło do nadania mu informacyjnego charakteru w miejsce analitycznego, a z drugiej – z oddaleniem od paryskiego ośrodka. Polityczny charakter rosyjskiej emigracji warunkował wydźwięk publikacji, albowiem wszelkim informacjom poświęconym tematyce radzieckiej towarzyszyły zjadliwe komentarze, wyraźna retoryka antysowiecka. Widoczny jest również wzrost liczby artykułów poświęconych tematyce radzieckiej (od 1–3 artykułów po założeniu tygodnika do 11–13 pod koniec badanego okresu), różnorodność tematyczna (przemysł, życie polityczne, represje, szkolnictwo, oblicze człowieka radzieckiego itp.), jak też przewaga gatunków publicystycznych z udziałem naocznych świadków, wykorzystaniem dokumentów, wywiadów, powołań na materiały źródłowe z prasy radzieckiej, utworów literackich, w których akcja toczy się w Rosji Radzieckiej. Poddany analizie materiał prowadzi do przemyśleń na temat tożsamości rosyjskiej oraz przyczyn jej tragicznego w skutkach rozłamu.

Summary

Soviet realities by the Warsaw Russian emigrants' weekly "Mech"

In this study the materials dealing with the Soviet realities published in Warsaw by the Russian emigrants' weekly "Mech" during a year period (the first 45 issues) are analyzed. The analysis constitutes a segment of historical and political context prevailing at that time in Poland, especially of its complex relations with the Soviet Union. In retrospect one can observe a distinct turn in the weekly's activity explained partly by a change of its form – from a magazine to newspaper (issue 21) which demanded replacement of its analytic way by more informative attitude and partly by separation from emigrant centre in Paris. The air of publications reflected difficult situation of the emigrants, though all information this way or another dealing with the Soviets was filled with biting comments and sheer anti-Soviet rhetoric. Also a clear quantitative tendency is shown in the number of the Soviets related publications, from 1–3 in the initial period up to 11–13 by the end of the period under the study. The scope of issues was also widening embracing economy, political life, repression, education, Soviet manhood, etc. The publication type change is also traced evolving to a more eye-witness, document support, interview, Soviet source mentioning, citation from contemporary Soviet literature depicting real life columnistic kind. The material analyzed gives much food for thought about the character of the Russian identity and its tragic split.

Key words: Dmitry Filozofov, mother country, Russian emigration, polarization, newspaper „Mech”, bolshevism, Soviet reality.